Библіотека Знанія.

26 книгъ въ годъ.

№ 7 Апрѣль 1908 г.

А 276
643

ФИЛОСОФІЯ ДРЕВНИХЪ.

Д-ра Юлія Рейнера.

Подписная цѣна на «БИБЛІОТЕКУ ЗНАНІЯ» съ журналомъ «ОГОНЕКЪ» на годъ 3 р. 50 к., на 6 мѣс. 1 р. 75 к., на 3 мѣс. 90 к. и на 1 мѣс. 30 к. съ перес. въ Россіи. Подписка на «БИБЛІОТЕКУ ЗНАНІЯ» безъ журнала «ОГОНЕКЪ» не принимается.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера,
Галерная ул., № 40.
1908.

Наиболѣе интересный.
Наиболѣе полный.
Наиболѣе живой.
Наиболѣе оригинальный.
Наиболѣе дешевый.

Иллюстрированный,
еженедѣльный,
литературно-художественный
ЖУРНАЛЪ

„ОГОНЕКЪ“

СОВЕРШЕННО НОВАГО ВЪ РОССІИ
ЗАГРАНИЧНАГО ТИПА.

ДВА РУБЛЯ ВЪ ГОДЪ

(СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВЪ РОССІИ).

На-ряду съ выдающимися произведеніями

русскихъ и иностранныхъ писателей,

читатели „ОГОНЬКА“ получатъ также и разсказы изъ уголовной жизни Россіи, Западной Европы и Америки.

Въ журналѣ „ОГОНЕКЪ“, по образцу американскихъ журналовъ, выдающіяся

событія иллюстрируются оригинальными рисунками

СПЕЦІАЛЬНО ПРИГЛАШЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Въ журналѣ „ОГОНЕКЪ“ ежемѣсячно помѣщаются

рисунки и описанія дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ

исключительно для семей средняго достатка.

Подписная цѣна на еженедѣльный журналъ „ОГОНЕКЪ“

съ пересылкой въ Россіи:

На годъ . . 2 руб. на 6 мѣс. . 1 руб.
на 3 мѣсяца . . 55 коп.

Главная Контора изданій С. М. ПРОППЕРА:
С.-Петербургъ, Галерная ул., собств. домъ, № 40.

А 276
643

Философія древнихъ

съ приложеніемъ очерка средневѣковой философіи.

801-14
2.49

Д-ра Юлія Рейнера.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
Семена Грузенберга.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1908.

12136-0

Введеніе.

Слово „философія“—греческаго происхожденія. Первоначально оно обозначало общее теоретическое образованіе въ отличіе отъ практическаго и техническаго. Философію можно опредѣлить, какъ общую науку, которая связываетъ выводы отдѣльныхъ наукъ въ чуждую противорѣчій систему, придаетъ единство многообразію представленій и сводитъ различныя понятія къ высшему всеобъемлющему понятію. Задача философіи—разъяснить и устранить противорѣчіе между положеніями самыхъ разнообразныхъ научныхъ дисциплинъ.

Тѣсно соприкасаясь по содержанію своему съ областью отдѣльныхъ наукъ, философія стремится свести къ единству многообразіе научныхъ дисциплинъ. Соотвѣтственно этому задача философіи распадается на слѣдующія основныя проблемы:

A) проблему метафизики; B) проблему теоріи познанія и C) проблему этики.

A) Метафизика представляетъ собою ученіе о всеобщихъ принципахъ; соотвѣтственно этому она имѣетъ своимъ предметомъ понятія бытія, процессъ развитія, возможности, дѣйствительности и необходимости. Въ историческомъ развитіи метафизическаго ученія понятія эти нерѣдко сливались другъ съ другомъ.

Проблема метафизики распадается на онтологическую и космологическую или теологическую.

Онтологическая проблема сводится къ вопросу: какова природа дѣйствительнаго, какъ такового? Различные отвѣты на этотъ вопросъ даютъ содержаніе различнымъ метафизическимъ направленіямъ; главнѣйшія изъ этихъ направленій—дуализмъ, монизмъ, спиритуализмъ или идеализмъ.

Подъ дуализмомъ разумѣютъ такой типъ міропониманія, который признаетъ два рода субстанцій—тѣлесную и духовную, протяженную и мыслящую. Монизмъ пытается объяснить дѣйствительность съ помощью одного принципа и свести многообразную форму сущаго къ одной первоначальной формѣ; этого можно достигнуть двоякимъ путемъ: либо свести душевные процессы на тѣлесные и разсматривать процессы сознанія, лишь какъ извѣстную форму обнаруженія физикальныхъ процессовъ; такова задача матеріализма; либо свести физикальныя явленія на процессы сознанія и разсматривать физическій міръ, лишь какъ обнаруженіе духовныхъ процессовъ; такова задача спиритуализма или идеализма.

Космополитическая или теологическая проблема сводится къ вопросу: каковы должны быть наши представленія о мірозданіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ: атомизмъ, теизмъ и пантеизмъ.

Атомизмъ разсматриваетъ дѣйствительность, какъ сосуществованіе многихъ самостоятельныхъ, простыхъ и вѣчныхъ атомовъ; міръ—обязанъ своимъ происхожденіемъ взаимодѣйствію различныхъ атомовъ; отсюда объясняется разнообразіе явленій.

Теизмъ утверждаетъ, что міръ обязанъ своимъ существованіемъ опредѣленному плану Міроустроителя.

Пантеизмъ разсматриваетъ Бога, какъ творца міра, и сводитъ многообразіе явленій на процессъ расчлененія Его существа: Богъ,—учитъ пантеизмъ—есть природа.

В) Подъ теоріей познанія, въ широкомъ смыслѣ

слова, разумѣютъ науку о матеріальныхъ и формальныхъ принципахъ познанія. Гносеологическія изслѣдованія относятся къ самымъ труднымъ проблемамъ философіи. Умозрительный характеръ этихъ проблемъ требуетъ совершенно особыхъ способностей; зависимость этихъ проблемъ отъ успѣховъ отдѣльныхъ наукъ немыслима безъ особаго взгляда на состояніе отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ.

Реализмъ даетъ слѣдующій отвѣтъ на вопросъ о сущности познанія: знаніе—точное отраженіе дѣйствительности. Мы познаемъ вещи такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ и какъ онѣ являются намъ; напротивъ, идеализмъ или феноменализмъ утверждаетъ: представленіе въ основѣ своей рѣзко отличается отъ бытія. Идеализмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ преувеличенной оцѣнкѣ познанія, преподаннаго сознаніемъ. Размышленіе приводитъ къ сомнѣнію: стоитъ только убѣдиться, что чувства обманываютъ насъ,—и мы невольно станемъ стремиться къ тому, чтобы отрѣшиться отъ этого обмана, признавая разумъ и мышленіе единственнымъ критеріемъ истины.

На вопросъ о происхожденіи познанія сенсуализмъ или эмпиризмъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: всякое познаніе покоится на внѣшнихъ или внутреннихъ воспріятіяхъ. Всякое иное толкованіе, поскольку оно выходитъ за предѣлы чувствъ, непріемлемо. Нѣтъ никакихъ субстанцій, силъ и дѣйствій, кромѣ тѣлесныхъ. Познавательная дѣятельность человѣка—не что иное, какъ функція его тѣлесныхъ органовъ.

Раціонализмъ, напротивъ, утверждаетъ: всякое познаніе покоится на разумѣ. Эмпиризмъ разсматриваетъ всѣ истины, какъ переработку отдѣльныхъ чувственныхъ воспріятій; раціонализмъ приписываетъ ихъ исключительно лишь общимъ понятіямъ и положеніямъ.

Эмпиризмъ и раціонализмъ можно ближайшимъ образомъ опредѣлить, какъ:

1) реалистическій эмпиризмъ, утверждающій, что мы познаемъ вещи посредствомъ воспріятій и притомъ такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ;

2) идеалистическій эмпиризмъ, согласно коему хотя мы и познаемъ вещи лишь посредствомъ воспріятія, но эти воспріятія не даютъ намъ за то вполнѣ яснаго познанія, соотвѣтствующаго картинѣ дѣйствительности;

3) реалистическій раціонализмъ, тезисъ коего гласитъ: мы познаемъ вещи, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, но лишь благодаря разуму; и

4) идеалистическій раціонализмъ, который учитъ: мы познаемъ дѣйствительность лишь съ помощью чистаго разума, но познаемъ ее не такой, какова она на самомъ дѣлѣ, а лишь въ томъ видѣ, какъ она представляется намъ съ внѣшней стороны. Сущность вещей не поддается, вообще, нашему познаванію.

С) Кромѣ метафизики и теоріи познанія философія занимается также изслѣдованіемъ этическихъ проблемъ; въ этомъ смыслѣ первыя проблемы (т. е. метафизику и теорію познанія) можно охарактеризовать, какъ основы этической проблемы; эта послѣдняя проблема сводится къ вопросу: что такое добро и зло?

Многочисленные отвѣты, которые даетъ на этотъ вопросъ нравственная философія, можно разбить на двѣ основныхъ группы; каждая изъ этихъ группъ дѣлится, въ свою очередь, на цѣлый рядъ подгруппъ, сходныхъ другъ съ другомъ, не взирая на нѣкоторое различіе между ними.

Къ первой основной группѣ примыкаютъ моралисты, признающіе интуитивную мораль и непосредственно врожденное человѣку нравственное сознаніе, не разлагающееся ни на какіе дальнѣйшіе элементы.

Ко второй основной группѣ примыкаютъ моралисты, отрицающіе врожденное человѣку моральное сознаніе: они разсматриваютъ добро и зло съ точки зрѣнія послѣдствій поступка человѣка. Первая школа учитъ: мы добродѣтельны потому, что такъ повелѣваетъ намъ нашъ внутренній голосъ; по ученію второй школы добродѣтель—не что иное, какъ продуктъ историческаго развитія, и мы познаемъ эту добродѣтель потому, что съ ней связаны наше благополучіе и благо ближняго.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Древняя философія.

I.

До-софистическій періодъ.

Гилозоисты *).

Греческая философія начинается съ Ѳалеса Милетскаго, такъ какъ онъ первый отбросилъ миѳы при объясненіи происхожденія міросданія и заложилъ первый камень научнаго изслѣдованія. Онъ жилъ около 600 г. до Рождества Христова и стяжалъ себѣ почетную извѣстность своими познаніями по математикѣ и астрономіи, а также своей политической и житейской мудростью. Основной тезисъ его ученія, какъ излагаетъ его Аристотель, сводится къ слѣдующему: первое начало, изъ котораго произошло и въ то же время послѣднее начало, къ которому сводится все сущее—вода, которую онъ представлялъ себѣ, какъ конкретное существо. Современникомъ его былъ изобрѣтатель солнечныхъ часовъ Анаксимандръ. Онъ называлъ первоначальную матерію или первооснову всего сущаго—безконечнымъ (to areigon). Образованіе міра,—

*) Гилозоизмъ—наивный или умѣренный матеріализмъ приписывающій матеріи жизнь и духовныя свойства.

училъ Анаксимандръ,—началось съ противоположнія тепла и холода, призвавшаго къ жизни влажное, изъ котораго произошла земля; изъ влажнаго произошли и животныя. Ученіе Анаксимандра нашло себѣ дальнѣйшее развитіе въ философіи ученика его—Анаксимена; послѣдній представлялъ себѣ происхожденіе вещей, какъ разрѣженіе и сгущеніе воздуха. Облака, вода, земля, камни—сгущенный воздухъ; огонь, напротивъ,—разрѣженный воздухъ.

Три названныхъ древнѣйшихъ іонійскихъ философа извѣстны въ исторіи подъ именемъ „гилозоистовъ“, такъ какъ они разсматривали матеріальное начало, какъ первооснову природы.

Пиѳагорейцы и элеаты.

Пиѳагоръ родился, какъ предполагаютъ, около 580 года до Р. Х. на островѣ Самосѣ. На пятнадцатомъ году онъ переѣхалъ въ южную Италію, а затѣмъ провелъ продолжительное время въ Египтѣ, гдѣ получилъ образованіе подъ руководствомъ египетскихъ жрецовъ. Въ южной Италіи онъ основалъ общество, поставившее себѣ цѣлью проповѣдовать мораль въ связи съ мистически-религіознымъ культомъ. Общество это, стяжавшее себѣ большую популярность, принадлежало къ самымъ вліятельнымъ политическимъ кружкамъ того времени и вскорѣ по своемъ возникновеніи стало подвергаться гоненіямъ.

Своеобразная особенность ученія пиѳагорейцевъ заключается въ томъ, что оно разсматриваетъ природу всеобщей субстанціи, не какъ воду или воздухъ, а какъ извѣстное соотношеніе чиселъ. „Первоначальное едино не въ томъ смыслѣ, что составляетъ звено множества явленій, а въ томъ смыслѣ, что объемлетъ собою все, что существуетъ.“ Для познанія вещей необходимо сперва опредѣлить, что такое число. Элементы числа—четное и нечетное.

Четное число—ограничено, такъ какъ разлагается на равныя части, нечетное—неограничено. Съ противоположеніемъ четныхъ и нечетныхъ чиселъ пиѳагорейцы связывали различныя цѣнности: неограниченное даетъ содержаніе злу, ограниченное — добру; первое лишено само по себѣ всякаго основанія, второе покоится на принципѣ порядка и мѣры. Пиѳагорейцы думали, что съ помощью такихъ искусственно составленныхъ числовыхъ отношеній можно раскрыть гармонію мірозданія: сочетаніе обоихъ этихъ принциповъ—четнаго и нечетнаго—источникъ гармоніи „единства въ многообразіи и согласія въ внѣсогласіи“. Міръ представляетъ изъ себя лишь лѣстницу чиселъ, слѣдующихъ въ гармоническомъ порядкѣ. Вещи, воспринимаемыя посредствомъ чувствъ—не что иное, какъ различные виды овеществленія математическихъ отношеній.

Пиѳагорейцы признавали декаду (десять категорій) міровыхъ тѣлъ, вращающихся въ извѣстномъ порядкѣ вокругъ центральнаго огня. Этотъ центральный огонь — источникъ силы, разлитой во всей вселенной для ея поддержанія. Солнце, луна и звѣзды вращаются съ необычайной быстротой, отчего рождается мощный звукъ; мы не слышимъ этихъ звуковъ, этой музыки сферъ потому, что привыкли слышать ее отъ рожденія; въ данномъ случаѣ происходитъ то же самое, что и въ кузницѣ: съ теченіемъ времени кузнецы перестаютъ слышать стукъ молота.

Значеніе пиѳагорейцевъ заключается въ томъ, что они создали теорію чиселъ и предвосхитили необычайно важную роль чиселъ для объясненія механизма міра. Они вправѣ были сказать: число—существенное свойство вещей; но они пошли еще дальше и утверждали: число—сущность вещей. Числа во всѣ времена служили источникомъ мистическаго толкованія: такъ, напримѣръ, основатель современнаго позитивизма — Огюстъ Контъ говоритъ

въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ о моральныхъ и интеллектуальныхъ свойствахъ чиселъ; точно также и у Канта, котораго отнюдь нельзя заподозрить въ пристрастіи къ числамъ (въ различеніи трехъ категорій), число играетъ извѣстную роль.

Основателемъ школы элеатовъ былъ Ксенофанъ (родился около 570 года до Р. Х.); философскія построенія Ксенофана нашли себѣ дальнѣйшее развитіе въ ученіи ученика его — Парменида. Третій крупный представитель школы элеатовъ—ученикъ Парменида—Зенонъ (изъ Элей). Элеаты разсматривали многообразіе—тѣлесныя и пространственныя свойства вещей, какъ сплошную призрачность.

Сущее, неизмѣнное, отъ вѣка истинное и равное себѣ,—мышленіе. Все сущее — едино, это единое—Богъ, о которомъ, однако, мы не можемъ составить себѣ наглядnаго представленія. Не привычка, не преданіе, не глазъ, ухо, словомъ,—не чувства должны быть спутниками истины: такимъ спутникомъ долженъ быть проникновенный разумъ. Верховный законъ разума гласитъ: возможно, что то, что мы называемъ сущимъ,—вовсе не существуетъ въ дѣйствительности. Мышленіе дѣлаетъ своимъ предметомъ проблему бытія: сказать: „я мыслю нѣчто“ и „я мыслю нѣчто существующимъ“, значитъ — сказать одно и то же.

Мышленіе, какъ указываетъ самая этимологія этого слова, немыслимо безъ сущаго. Понятіе сущаго исключаетъ возникновеніе, а также происхожденіе и прекращеніе, потому что возникновеніе предполагаетъ всегда небытіе.

Съ точки зрѣнія разума, сущее — не болѣе, какъ форма мышленія; таково оно и въ дѣйствительности: этому противорѣчитъ, однако, познаніе, покоющееся на чувствахъ: оно свидѣтельствуетъ о существованіи множества, измѣненія и движенія; чувства — источникъ не истины, а одной лишь иллюзіи.

Во всеоружіи силлогистики и діалектической методы (основателемъ коей былъ, по словамъ Аристотеля,—Зенонъ), Зенонъ съумѣлъ отвоевать признаніе этой доктринѣ. Центръ тяжести его ученія упадаетъ на доказательство того положенія, что фактъ измѣненія и возникновенія такъ же, какъ и многообразіе явленій, — не что иное, какъ пустой призракъ. Зенонъ пытался также доказать, что никакое движеніе никогда, вообще, не можетъ начаться: разъ налицо движеніе, то движущееся должно было бы пробѣжать въ опредѣленный промежутокъ времени безконечное пространство, такъ какъ пространство, даже самую ничтожную часть его, можно дѣлить до безконечности.

Допущеніе, что тѣло можетъ пробѣжать безконечное пространство въ ограниченный промежутокъ времени, было бы нелѣпостью. Зенонъ утверждаетъ поэтому, что стрѣла на лету пребываетъ въ покоѣ: движущееся тѣло занимаетъ каждое мгновеніе одно и то же пространство и, слѣдовательно, каждое мгновеніе пребываетъ въ покоѣ; при такихъ условіяхъ оно пребываетъ въ покоѣ въ теченіе всего времени, равнаго суммѣ тѣхъ мгновеній, когда оно находится въ движеніи; слѣдовательно, оно вовсе и не движется, а пребываетъ въ покоѣ.

Во всякомъ случаѣ, заслуга элеатовъ состоитъ уже въ томъ, что они провели грань между познаніемъ, источникъ коего—чувство, и познаніемъ, покоющимся на понятіяхъ, выяснивъ важное значеніе этой послѣдней категоріи познанія. Отправляясь при рѣшеніи вопроса о принципѣ мірозданія отъ матеріальнаго начала, они создали путемъ абстракціи понятіе бытія.

Космологическая школа.

Гераклитъ Темный (около 500 г. до Р. Х.) училъ: „Міръ не созданъ ни богами, ни людьми, но отъ вѣка пребывалъ и будетъ пребывать—подобно

вѣчно пылающему огню. Во всемъ происходитъ обмѣнъ огня, и въ огнѣ—обмѣнъ всего, подобно тому, какъ золото обмѣнивается на товары, и товары — на золото.“ Въ самомъ дѣлѣ,—продолжаетъ Гераклитъ, развивая свой тезисъ,—изъ потухшаго огня происходитъ вода, а изъ воды — земля; земля же, благодаря горѣнію, снова превращается въ воду, а вода — въ огонь. Отъ превращенія огня въ воду и воды—въ землю происходитъ сгущеніе, а отъ противоположнаго превращенія—разрѣженіе.

Превращеніе огня въ воду и въ землю происходитъ по направленію сверху внизъ, а обратное превращеніе—снизу вверхъ. Оба превращенія безпрерывно смѣняютъ другъ друга. Первоначальный огонь—Зевесъ. Души животныхъ и людей — лишь части этого огня. Въ мірѣ нѣтъ ничего неизмѣннаго: все смѣняется. Быть—значитъ претерпѣвать постоянныя измѣненія: подвергаясь безпрерывнымъ измѣненіямъ, сущее развертывается во множествѣ явленій. „Нельзя,—говоритъ Гераклитъ,—дважды погружаться въ одинъ и тотъ же потокъ, такъ какъ въ каждое мгновеніе въ него вливаютси новыя воды. Все течетъ, все идетъ впередъ.“ Измѣненіе покоится на отношеніи противоположности или, — какъ образно выражается Гераклитъ,—„борьба — родоначальникъ и царь всѣхъ вещей“. Сводя общій потокъ вещей на отношеніе противоположности, Гераклитъ видитъ въ немъ въ то же время залогъ полной гармоніи. Все сходится въ цѣлокупности міра. Согласованность можетъ проистекать лишь изъ различія и противоположенія. Представленіе о всеобщемъ потокѣ вещей связано съ той мыслью, что все по необходимости происходитъ по предначертанію и по законамъ высшей мудрости, господствующей надъ міропорядкомъ; отправляясь отъ этого положенія, Гераклитъ приходитъ въ своихъ нравственно-религіозныхъ размышленіяхъ къ тому выводу

что залогъ счастья и довольства кроется въ готовности безропотно подчиниться необходимости.

Эмпедоклъ, второй представитель этой школы (490 г. до Р. Х.), стяжалъ себѣ у современниковъ почетную извѣстность демократическаго вождя, оратора, проповѣдника и врача. По его ученію, существуетъ четыре вѣчныхъ первичныхъ вещества, которыя скрѣплены въ прообразѣ міра — въ средѣ — посредствомъ согласія, пока вовнутрь сферы не проникаетъ изъ периферіи разногласіе, разрушающее эту связь. Эти первичныя существа незыблемы. Всякое возникновеніе — не что иное, какъ перемѣна мѣста.

Къ обоимъ поименованнымъ выше мыслителямъ примыкаетъ Анаксагоръ (500 г. до Р. Х.); его изслѣдованіе о природѣ дошло до насъ лишь въ небольшихъ отрывкахъ. „Греки, — гласитъ одно мѣсто изъ отрывка этого изслѣдованія, — имѣютъ неправильное представленіе о возникновеніи и прекращеніи: матеріальное никогда не возникаетъ и не прекращается, а разлагается и представляетъ собою смѣсь чего-то уже существующаго; было бы правильно поэтому называть возникновеніе—состояніемъ смѣшенія, а прекращеніе—состояніемъ разложенія. Анаксагоръ допускаетъ существованіе безчисленныхъ родовъ вещества. Движущая сила—духъ, который властно царитъ надъ всѣмъ и придаетъ порядокъ всему прошедшему, настоящему и будущему. Этотъ духъ—живая душа всѣхъ растеній и животныхъ.

Атомистическая школа.

Основатель этой школы — Левкиппъ, современникъ Анаксагора, исходилъ изъ того положенія, что всѣ тѣла состоятъ изъ безчисленныхъ невидимыхъ и недѣлимыхъ атомовъ; взаимная связь этихъ атомовъ образуетъ сущность тѣлъ. Съ точки зрѣнія

ученика его—Демокрита, качества тѣлъ — не что иное, какъ сплошные призраки: нѣтъ сладкаго, горькаго, теплаго или холоднаго въ себѣ самомъ— учитъ Демокритъ; вещи являются (представляются) намъ въ томъ или иномъ видѣ, смотря по тому, въ какое состояніе приводятъ они наши чувства. Взятыя сами по себѣ, вещи не обладаютъ никакими свойствами, кромѣ тѣхъ, которыя доступны воспріятіямъ пространства и сводятся, стало быть, къ опредѣленію величины внѣшняго вида, положенія, взаимоотношеній и движенія. Всѣ тѣла состоятъ изъ простыхъ, недѣлимыхъ тѣлецъ, неизмѣнныхъ по своей величинѣ и по внѣшнему виду: они такъ малы, что каждое изъ нихъ въ отдѣльности не поддается нашимъ воспріятіямъ; они различаются другъ отъ друга исключительно лишь по своей величинѣ, внѣшнему виду, положенію и состоянію движенія. Эти послѣднія составныя части вещей, которымъ Демокритъ присваиваетъ различныя наименованія, называя ихъ также „атомами“, отдѣлены другъ отъ друга пустымъ пространствомъ. Эти атомы наполняютъ все міровое пространство. Вся совокупная масса атомовъ движется отъ вѣка по направленію сверху внизъ, но такъ какъ болѣе крупные атомы тяжелѣе менѣе крупныхъ, то первые должны падать на послѣдніе съ большей скоростью, благодаря чему происходитъ столкновеніе атомовъ. Это столкновеніе происходитъ безчисленное множество разъ, и такимъ путемъ возникаютъ различныя тѣлесныя вещи. Даже огонь состоитъ изъ атомовъ. Такіе атомы присущи всѣмъ органическимъ тѣламъ, и, въ особенности, въ наибольшемъ количествѣ человѣческой душѣ. Распаденіе значительнаго числа этихъ атомовъ знаменуетъ собою смерть. Атомы, кромѣ того, носители душевныхъ явленій: чувствованій, желаній, мышленія, радостей и страданій. Въ различныхъ частяхъ тѣла атомы проявляютъ различную дѣятельность: такъ, въ органахъ чувствъ они вызы-

ваютъ ощущенія и воспріятія, въ мозгу—мысли, въ сердцѣ—гнѣвъ или любовь. Механизмъ воспріятій состоитъ въ томъ, что испускаемыя вещами истеченія проникаютъ въ органы чувствъ и встрѣчаются тамъ съ однородными атомами. Зрительныя воспріятія состоятъ въ томъ, что отображенія вещей отпечатлѣваются посредствомъ воздуха въ глазу. Значительная часть изреченій Демокрита посвящена вопросамъ житейской мудрости; по свидѣтельству ея, лучшій удѣлъ человѣка—увеличить по возможности число своихъ друзей и довести до минимума сумму страданій; для достиженія этого идеала нужно поступиться заботами о томъ ради усовершенствованія души. Только въ себѣ самомъ мы можемъ обрѣсти истинное счастье: залогъ его — не въ чувствительныхъ наслажденіяхъ, а въ ясности и спокойствіи духа.

II.

Періодъ отъ софистовъ до Аристотеля.

Софистами называли въ пятомъ столѣтіи до Р. Х. людей, преподававшихъ за плату знанія, нужныя для участія въ политической жизни, а также искусство краснорѣчія и веденія споровъ (эристику). Не глубокое, основательное знаніе привлекало софистовъ, а ухищренія и верхоглядство, приносившія имъ почетъ и богатство.

Софисты стяжали себѣ славу даромъ краснорѣчія, нужнымъ для того, чтобы выиграть судебный процессъ и сыграть роль въ общественной жизни. Изъ многочисленной плеяды софистовъ наиболѣе крупный слѣдъ оставили въ исторіи философіи Протагоръ, Горгій и Продикъ.

Наибольшую цѣнность для философіи представляетъ ученіе Протагора о томъ, что свойства, воспринимаемыя нами отъ вещей, не присущи имъ на самомъ дѣлѣ, а существуютъ лишь съ нашей точки зрѣнія: всякое бытіе становится возможнымъ лишь благодаря воспріятіямъ нашихъ чувствъ, нѣтъ бытія „въ себѣ самомъ“: бытіе возможно лишь для воспринимающаго посредствомъ чувствъ субъекта. Отправляясь отъ этихъ двухъ положеній, Протагоръ пришелъ къ выводу, что каждое воспріятіе служитъ источникомъ познанія, благодаря чему не можетъ быть ошибочныхъ воспріятій; если же одинъ и тотъ же предметъ представляется одному такимъ, а другому—инымъ, то онъ и впрямь для одного—таковъ, а для другого—иной. Если—поясняетъ эту мысль Платонъ—одно и то же вино имѣетъ для здороваго Сократа сладкій вкусъ, а для больного—горькій, то оба эти воспріятія въ равной мѣрѣ безошибочны, такъ какъ для того, кому это вино кажется сладкимъ, оно и впрямь—сладкое, а для того, кому оно кажется горькимъ, оно и впрямь—горькое. „Человѣкъ—мѣрило всѣхъ вещей“— учитъ Протагоръ, перенося этотъ взглядъ и на сферу нравственнаго поведенія, благодаря чему стушевывается, а подчасъ даже исчезаетъ существенное различіе между добромъ и зломъ. Если цѣль Протагора—доказать невозможность ошибки, то задача Горгія—доказать невозможность познанія.

Послѣдній изъ трехъ названныхъ софистовъ—Продикъ, стяжавшій себѣ славу мудреца, посвятилъ себя изслѣдованію вопроса о выборѣ жизненнаго пути, о цѣнности внѣшнихъ благъ и объ искусствѣ пользоваться ими, а также о жизни и смерти. По складу своихъ воззрѣній онъ причисленъ былъ впослѣдствіи къ предшественникамъ Сократа.

Позднѣйшіе софисты были по большей части свободомыслящими изслѣдователями; отрицая всѣ

законы и нравственныя нормы, они возводили право сильнѣйшаго въ законъ природы и проповѣдывали безграничное удовлетвореніе желаній. Сила софистовъ была не въ положительномъ знаніи и плодотворномъ мышленіи, а исключительно лишь въ искусствѣ произносить красивыя рѣчи, не имѣя ни малѣйшаго представленія о предметѣ.

Сократъ и его ученики.

Сократъ (469—399 г. до Р. Х.), сынъ ваятеля Софрониска и повивальной бабки Фэнареты, не взирая на бѣдность, всецѣло посвятилъ себя занятіямъ философіей. Въ 399 году до Р. Х. онъ былъ осужденъ (незначительнымъ большинствомъ голосовъ) къ смертной казни по обвиненію въ богоотступничествѣ и развращеніи юношества; по приговору суда онъ былъ заточенъ на мѣсяцъ въ темницу; сохраняя полное присутствіе духа, онъ простился со своей женой Ксантиппой (несправедливо стяжавшей себѣ репутацію сварливой жены), съ дѣтьми, друзьями и учениками, послѣ чего приказалъ подать себѣ чашу съ ядомъ.

Какъ учитель, Сократъ отличался отъ софистовъ уже тѣмъ, что преподавалъ философію совершенно безплатно. Онъ бродилъ по городу и, встрѣчаясь съ любознательными людьми или жаждавшими знаній юношами, вступалъ съ ними въ непринужденную бесѣду на философскія темы. Съ помощью удачной постановки вопроса онъ, по собственному своему сравненію, помогалъ своему собесѣднику „разрѣшиться отъ бремени тѣми мыслями, которыя онъ носилъ въ своемъ чревѣ“, и изслѣдовать новорожденнаго. Онъ любилъ говорить, что занимается, подобно своей матери, повивальнымъ искусствомъ.

Послѣ Сократа не осталось никакихъ сочиненій. Свѣдѣнія о немъ приходится почерпать изъ „Меморабилій“ Ксенофонта и діалоговъ Платона. „Апологія Сократа“—рѣчь, произнесенная имъ на судѣ въ свое оправданіе, въ томъ видѣ, какъ воспроизвелъ ее Платонъ, служитъ вѣрной передачей воззрѣній учителя.

Сократъ былъ по преимуществу моралистомъ: онъ былъ убѣжденъ, что поведеніе каждаго человѣка опредѣляется его представленіями о добрѣ и злѣ. Основная задача философіи, по ученію Сократа — найти пробный камень истины: такимъ пробнымъ камнемъ служитъ, по его мнѣнію, — опредѣленіе понятій. Въ своихъ построеніяхъ Сократъ слѣдовалъ индуктивному методу: начавъ съ постановки вопроса, онъ подводилъ отдѣльные предметы или виды ихъ подъ извѣстную высшую категорію и затѣмъ уже высказывалъ сужденіе о свойствахъ, присущихъ этой категоріи. Съ индуктивнымъ методомъ у него нерѣдко сочетается дедуктивный: добытое индуктивнымъ путемъ знаніе объ общемъ онъ сводитъ на частное, ускользающее отъ индуктивнаго метода.

Сократа можно считать основателемъ логики, которая была въ его глазахъ не цѣлью, а лишь средствомъ для достиженія добродѣтели. Такъ какъ онъ разсматривалъ добродѣтель, какъ извѣстную категорію знанія, то каждый человѣкъ съ помощью изученія и упражненія можетъ достичь добродѣтели. Задача этики, какъ ученія о добродѣтели,—изслѣдовать вопросъ,—въ чемъ состоитъ, вообще, добро, дающее содержаніе всѣмъ благамъ. Добро совпадаетъ—по ученію Сократа—съ полезнымъ и пріятнымъ.

Убѣжденіе въ божественномъ происхожденіи нравственныхъ заповѣдей Сократъ подкрѣпляетъ, ближайшимъ образомъ, тѣмъ аргументомъ, что заповѣди эти преподаны намъ Богомъ, исключающимъ допущеніе какого-либо иного высшаго начала. Этотъ единый Богъ — незримъ: мы можемъ познать Его лишь по Его твореніямъ. Цѣлесообразность

міропорядка предначертана сообразно потребностямъ человѣка. Его вѣра въ Божественный Промыселъ нашла себѣ выраженіе, между прочимъ, и въ томъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе молиться Богу. Нужно просить Бога — училъ онъ — не о дарованіи намъ извѣстныхъ вещей, въ коихъ мы ощущаемъ надобность, а исключительно лишь о ниспосланіи намъ блага вообще.

Сократъ, вообще,—первый философъ, расплатившійся жизнью за свои убѣжденія.

Изъ учениковъ Сократа одинъ только Платонъ, этотъ величайшій греческій мыслитель, остался вѣрнымъ завѣтамъ своего учителя. Три другихъ ученика его—Антисѳенъ, Аристиппъ и Эвклидъ—воодушевленные своимъ учителемъ, пытались, правда, основать свои собственныя школы, но стремленія ихъ шли въ разрѣзъ съ духомъ ученія Сократа. Антисѳенъ, основатель школы циниковъ (которыхъ называли также „греческими капуцинами“, такъ какъ они вели бѣдный образъ жизни), пытался сохранить во всей чистотѣ и глубинѣ духъ ученія Сократа. Богатство и бѣдность, здоровье и болѣзнь, честь и позоръ, жизнь и смерть имѣютъ въ глазахъ мудреца одинаковую цѣну. Добродѣтель въ глазахъ мудреца—вѣрный путь къ блаженству: она сводится къ полному самообладанію и отреченію. Позднѣйшіе циники (изъ нихъ наибольшую извѣстность стяжалъ себѣ Діогенъ изъ Синопа, изумлявшій Александра Великаго своимъ презрѣніемъ ко всѣмъ благамъ жизни и умѣніемъ подавлять въ себѣ всякія потребности), не придавали никакого значенія научнымъ изслѣдованіямъ. Они полагали, что вѣрный путь къ совершенной мудрости—въ полномъ подавленіи всякихъ стремленій къ радостямъ и наслажденіямъ; въ этомъ направленіи циники ушли такъ далеко, что не только возставали противъ религіозныхъ представленій и обычаевъ своего народа, но отрицали даже семью и государство, какъ

институты, насилующіе первоначальную природу человѣка.

Аристиппъ изъ Кирены, основатель киренской школы (называемой также „гедонистической“), училъ, что высшая цѣль жизни, не связанная никакими нравственными оковами,—удовольствіе, понимая его не въ смыслѣ вульгарнаго, грубо-чувственнаго, а въ смыслѣ облагороженнаго, идеальнаго наслажденія. При оцѣнкѣ наслажденій нужно принимать въ соображеніе, какова сила этого желанія и степень вліянія его на будущее, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. Все, что доставляетъ намъ истинное и ничѣмъ не омрачаемое наслажденіе, почитается хорошимъ и похвальнымъ. Путь къ достиженію такого наслажденія—смиренное самоотреченіе. Изъ послѣдователей этой школы слѣдуетъ назвать Ѳеодора и Гегезія: по ученію послѣдняго, единственная цѣль, достойная мудреца—воздержаніе отъ удовольствій.

О воззрѣніяхъ Эвклида изъ Мегары, основавшаго въ своемъ родномъ городѣ мегарскую (иначе—эристическую) школу, мы располагаемъ крайне скудными свѣдѣніями. Школа эта, получившая прозваніе „эристической“ изъ-за пристрастія ея послѣдователей къ спорамъ, выдвинула цѣлый рядъ выдающихся діалектиковъ. По ученію Эвклида, добро по природѣ своей—едино, но носитъ различныя названія: то—Промысла, то—Бога, то—духа и т. п. Позднѣйшіе представители этой школы, отрицая всѣ чувственныя представленія, вступили съ ними въ полемику по излюбленному древними вопросу объ изворотливости и ложныхъ выводахъ въ духѣ Зенона.

Платонъ.

Платонъ, отпрыскъ знатной фамиліи, родился въ Аѳинахъ въ 427 г. до Р. Х. Его настоящее имя было—Аристоклъ; „Платономъ“ же его прозвали за

широкую грудь. На двадцатомъ году онъ примкнулъ къ Сократу и всецѣло посвятилъ себя занятіямъ философіей. Сочиненія его почти полностью сохранились до нашего времени. Изъ тридцати пяти сочиненій, приписываемыхъ Платону, подлинность многихъ въ настоящее время опровергнута. За исключеніемъ „Апологіи Сократа“ (рѣчи, произнесенной Сократомъ на судѣ въ свое оправданіе) сочиненія Платона изложены въ формѣ діалога; этой же формой онъ пользовался при преподаваніи. Сочиненія его, какъ по формѣ, такъ и по содержанію принадлежатъ къ шедеврамъ классической литературы. Умеръ онъ въ 347 г. до Р. Х.

Платонъ далъ дальнѣйшее развитіе излюбленнымъ методамъ Сократа, отправляясь отъ мнѣнія—переходить постепенно къ знанію и углублять его съ помощью опредѣленія понятій (индукція и дедукція). По ученію Платона, воспринимаемыя нами вещи не могутъ быть предметомъ истиннаго знанія. Только идеи, учитъ Платонъ,—достовѣрные сами по себѣ принципы знанія и присущія намъ отъ рожденія нормы нашего познанія. Эти идеи—самое сущее и пребывающее, между тѣмъ какъ міръ чувственныхъ воспріятій и явленій — нѣчто преходящее. Всякое знаніе имѣетъ своимъ предметомъ нѣчто общее: оно начинается всюду съ того, что множество отдѣльныхъ вещей, сходныхъ другъ съ другомъ, связываются въ нѣчто единое, и отсюда уже извлекается нѣчто общее, присущее всѣмъ этимъ вещамъ. Таковъ механизмъ образованія понятій и возникновенія идей. Каждая идея отъ вѣка пребываетъ неизмѣнной; наоборотъ—вещи, болѣе или менѣе соотвѣтствующія ей,—преходящи. Красивая вещь утрачиваетъ, напримѣръ, свою красоту; и все же самая красота, какъ таковая, остается по прежнему тѣмъ же, чѣмъ она была до того: красотой. Изъ всѣхъ вещей, доступныхъ нашему познанію, понятія, идеи еще до нашего рожденія были

предначертаны въ нашей душѣ. Платоновы идеи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова суть не что иное, какъ возрожденныя понятія или, выражаясь языкомъ новѣйшей философіи, — понятія a priori, т. е. такія понятія, возникновеніемъ коихъ разумъ обязанъ не чувствамъ, а себѣ, такъ какъ онъ почерпаетъ ихъ въ себѣ самомъ. Чувственныя воспріятія оказываютъ воздѣйствіе лишь въ томъ смыслѣ, что проявляютъ заложенныя въ разумѣ первоначальныя понятія. Идеи—прообразы вещей, а вещи—отображенія идей, такъ какъ Творецъ создалъ чувственный міръ, вдохнувъ идеи въ совершенно неопредѣленную и безформенную матерію. Такъ какъ низшія идеи сливаются въ одной высшей идеѣ, то онѣ должны образовать лѣстницу, причемъ низшія ступени должны служить основаніемъ для высшихъ. Высшая идея, вѣнчающая эту лѣстницу и объемлющая всѣ другія идеи,—идея добра, т. е. Богъ. Платонъ не даетъ ближайшаго объясненія Бога или идеи добра, какъ такового.

Міръ обязанъ своимъ происхожденіемъ благости Бога; однако, въ міропорядкѣ заложено, кромѣ того, и другое самостоятельное начало, не имѣющее своимъ источникомъ идеи или Бога. Это самостоятельное начало — безгранично и не поддается опредѣленію.

Платонъ сравниваетъ его съ тѣмъ гипсомъ и воскомъ, изъ котораго художникъ лѣпитъ статуи: это—субстратъ всякаго возникновенія, лишенный всякаго вида и придающій видъ всѣмъ вещамъ. Выраженіе „матерія“ не знакомо Платону. То, что онъ называетъ впослѣдствіи „матеріей“, представляетъ собою лишь вторичное явленіе.

Въ основѣ міропорядка заложено безграничное начало: отсюда неизбѣжное несовершенство мірозданія и неискоренимость зла. Міръ, какъ цѣлое, задуманъ по строго цѣлесообразному плану: въ немъ царитъ разумный принципъ, которому Пла-

тонъ присваиваетъ наименованіе „міровой души". Все въ мірѣ происходитъ по строго опредѣленному, хотя и не всегда доступному нашему разумѣнію плану. Платонъ допускаетъ предсуществованіе души, которая еще до рожденія витала въ небесахъ и растворялась въ непосредственномъ созерцаніи идей.

Этимъ объясняется, почему всякое знаніе и всякое познаваніе представляетъ собою, въ сущности, лишь воспроизведеніе, припоминаніе чего-то уже виданнаго.

Въ этикѣ Платонъ сходится съ Сократомъ въ томъ, что разумная воля тождественна съ добродѣтелью. Жить неразумно—значитъ вести безнравственный образъ жизни; равнымъ образомъ онъ раздѣляетъ ту мысль Сократа, что воля и поведеніе руководствуются сужденіемъ, и что дурной поступокъ основанъ на заблужденіи, такъ-что никто не дѣлаетъ зла сознательно, а также, что добродѣтель и знаніе достигаютъ полнаго сліянія въ добрѣ. Добродѣтель—цѣль въ себѣ самой, и мы должны упражняться въ ней ради нея самой. Добродѣтель —способность души дѣйствовать въ согласіи съ велѣніями справедливости. Существуетъ лишь одна добродѣтель, но она распадается на четыре главныя добродѣтели: мудрость, мужество, самообладаніе и справедливость. Лишь тотъ, кто стремится къ достиженію высшаго блага на устояхъ нравственности, лишь тотъ—философъ воистину, царственная натура, властитель души. Души такихъ людей достигаютъ послѣ ихъ смерти обители награды, между тѣмъ какъ души порочныхъ людей устремляются въ сѣдалище возмездія, гдѣ онѣ скитаются десять тысячъ лѣтъ, чтобы снова затѣмъ избрать свой жизненный жребій. Онѣ должны десять тысячъ лѣтъ скитаться въ различныхъ образахъ, перевоплощаясь въ тѣла самыхъ низкихъ животныхъ и растеній, чтобы искупить такой цѣной свою вину.

Нравственный образъ жизни находитъ свое воплощеніе въ государствѣ; въ немъ залогъ развитія человѣка. Происхожденіе государства Платонъ объясняетъ потребностью индивида. Государство—это человѣкъ въ великомъ. Цѣль его—возможное благоденствіе, образованіе и добродѣтель гражданъ.

Надъ сотрудничествомъ гражданъ долженъ царить гармоническій порядокъ. Личное должно подчиняться общему, частные интересы—интересамъ цѣлаго. Для личнаго эгоизма не должно быть мѣста. Частная собственность, семейная жизнь, воспитаніе, просвѣщеніе, выборъ профессіи,—все это должно быть принесено въ жертву цѣлямъ государства.

Во главѣ государства должны стоять исключительно лишь философы или властители, прошедшіе философскую школу. Платонъ придаетъ особо-важное значеніе заботамъ объ образованіи. Его ученіе о государствѣ породило вплоть до нашего времени цѣлый рядъ утопій.

Философія Платона носитъ всецѣло эстетическій характеръ: его идеи напоминаютъ идеальные образы художниковъ; и они точно такъ же думали, что красота родственна идеѣ добра. Платонъ—типичный представитель того направленія философской мысли, которое вылилось въ убѣжденіе, что только духъ, проявляющійся въ идеѣ цѣлесообразности—приближается къ истинной причинѣ міра. Платонизмъ сводится къ утвержденію, что истинная сущность вещей мыслима лишь по аналогіи съ нашей высшей духовной жизнью.

Основанная Платономъ академія существовала еще долго послѣ его смерти и послужила толчкомъ для образованія другихъ школъ; послѣднія дѣлятся, по своему направленію, на древнюю, среднюю и новѣйшую академіи. Древняя академія, во главѣ которой стоялъ Спевзиппъ, оставалась еще вѣрной ученію Платона; но другія школы были уже заражены духомъ скептицизма.

Аристотель.

Аристотель изъ Стагиры (384—322)—сынъ лейбъ-медика македонскаго царя Аминты. На восемнадцатомъ году онъ отправился въ Аѳины. Здѣсь онъ поступилъ въ академію Платона, въ которой оставался двадцать лѣтъ. Въ 342 году до Р. Х., по приглашенію македонскаго царя Филиппа, онъ поселился при дворѣ въ качествѣ воспитателя четырнадцатилѣтняго сына его, Александра.

Въ 335 году мы снова застаемъ его въ Аѳинахъ; здѣсь онъ основалъ въ Ликсѣ школу, получившую названіе „перипатетической“, по имени тѣнистыхъ аллей („περίπατοι“), по которымъ онъ любилъ прохаживаться, читая лекціи по философіи. Умеръ онъ въ Халкидѣ, на Эвбеѣ.

Число сочиненій Аристотеля, по свидѣтельству, не внушающему, впрочемъ, особаго довѣрія, достигаетъ тысячи. Сочиненія, изданныя самимъ Аристотелемъ, утеряны вмѣстѣ съ оглавленіемъ и нѣкоторыми незначительными отрывками изъ нихъ.

Самая крупная заслуга Аристотеля передъ философіей—основаніе логики: онъ съ такимъ мастерствомъ разработалъ матеріалъ для формальной логики, что всѣ остальные вѣка вплоть до нашего времени не привнесли въ нее ничего существеннаго. Основныя положенія логики Аристотеля сводятся къ слѣдующему: сужденія о сущемъ укладываются въ десять рубрикъ; нашъ языкъ претворяетъ ихъ въ слѣдующіе составные элементы: субстанцію, напримѣръ,—человѣкъ, лошадь; количество—мѣра и вѣсъ; качество—черный цвѣтъ; отношеніе—половина, вдвое больше, крупнѣе; мѣсто—въ городѣ; время—вчера, сегодня; положеніе; состояніе; дѣйствіе и страданіе

Они образуютъ десять категорій, которыя сами по себѣ, взятыя отдѣльно, не содержатъ въ себѣ ни истины, ни заблужденія: только въ сочетаніи субъекта и объекта, т. е. въ сужденіи, пріобрѣтаютъ они впервые значеніе истины или заблужденія. Самая важная категорія—категорія субстанціи, изъ которой вытекаютъ всѣ остальныя категоріи; качество, количество и т. д. немыслимы внѣ субстанціи.

Критеріемъ истины служитъ, по мнѣнію Аристотеля, согласованная связь представленій (т. е. подлежащаго и сказуемаго сужденія) съ отношеніемъ между вещами. Умозаключая отъ цѣлаго ряда сужденій къ данному сужденію, мы приходимъ къ извѣстному выводу, который, смотря по природѣ сужденій, бываетъ аподиктическимъ, діалектическимъ или реторическимъ; кромѣ того, существуетъ еще особый классъ ложныхъ сужденій, которымъ Аристотель присваиваетъ наименованіе „софистическихъ.“

Въ своей „Первой философіи“ и теологіи, названной позднѣйшими комментаторами „Органономъ“, Аристотель выступаетъ противникомъ ученія Платона объ идеяхъ, подвергая его уничтожающей критикѣ. По его мнѣнію, ученіе это не даетъ объясненія проблемы сущаго; превращая вещи въ сухія обобщенія—въ человѣка „въ себѣ“, въ красоту „въ себѣ“ и пр., ученіе это представляетъ изъ себя лишь голое удвоеніе явленій, тавтологію, совершенно непригодную для объясненія сущаго; называя идеи первообразами и претворяя вещи въ идеи, Платонъ даетъ лишь поэтическія уподобленія, лишенныя всякаго содержанія.

Съ своей стороны Аристотель различаетъ въ каждой матеріальной вещи матерію, изъ которой состоитъ данная вещь, напримѣръ,—строительный матеріалъ, изъ котораго построенъ домъ,—и природу или свойство, благодаря которому данный экземпляръ вещи можетъ быть отнесенъ къ тому или иному классу—т. е. ея индивидуальную сущность, форму. Къ понятію матеріи и формы присоединяются также понятіе цѣли и движущей причины. Матерія,

форма, движущая причина и цѣль объединяются у него подъ именемъ „послѣднихъ причинъ“ или „основаній“. Матерія—то, что даетъ всему возможность, хотя сама она въ дѣйствительности ничего не представляетъ собою: матерія—это сущее, но исключительно лишь въ смыслѣ способности, а не въ смыслѣ дѣйствительности. Въ извѣстномъ смыслѣ матерія соотвѣтствуетъ отдѣльнымъ объектамъ въ платоновскомъ смыслѣ этого слова. Форма—то, что претворяетъ матерію въ дѣйствительность. Форма—сущность и душа каждой вещи: въ этомъ смыслѣ она соотвѣтствуетъ платоновскимъ идеямъ; отсѣченный палецъ, напримѣръ, можетъ быть названъ пальцемъ лишь по матеріи, по сущности, но никакъ не по формѣ.

Матерія обладаетъ стремленіемъ претвориться въ дѣйствительность черезъ посредство формы. И матерія, и форма—реальны, но лишь въ различной степени: такъ, напримѣръ, хлѣбное зерно—дерево въ потенціальномъ (зародышевомъ) состояніи, между тѣмъ, какъ дерево—зерно въ актуальномъ состояніи. То, что въ одномъ отношеніи представляетъ изъ себя матерію, служитъ въ другомъ отношеніи—формой: такъ, напримѣръ, строевой лѣсъ—матерія для готоваго дома и форма для дерева.

Все имѣетъ свою движущую причину. Усвоить себѣ понятіе движенія, какъ такового, крайне трудно, такъ какъ движеніе представляетъ собою несовершенную дѣйствительность въ томъ смыслѣ, что впервые претворяется въ дѣйствительность. Все въ природѣ претворяется въ дѣйствительность при отсутствіи къ тому препятствій. Несовершенство міра объясняется противодѣйствіемъ матеріи при переходѣ ея въ совершенныя формы.

О Богѣ Аристотель говоритъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, нерѣдко впадая при этомъ въ противорѣчіе. Богъ, какъ двигатель міра,—живое, самосовершеннѣйшее существо. Дѣйствія Его таятъ

въ себѣ самихъ свою цѣль; Его мышленіе—чистое мышленіе, мышленіе, ради мышленія мыслящее и мыслимое сливаются въ Немъ воедино. По представленію Аристотеля, небо не аналогично съ землею: ему присущи особое движеніе и особая матерія; ему присуща, кромѣ того, самая совершенная и простая форма движенія—круговращеніе. Вселенная имѣетъ шарообразную форму, такъ какъ она совершаетъ круговоротъ. Солнца какъ бы прикрѣплены къ міровой сферѣ; сами они пребываютъ въ покоѣ, но движеніе сферы выводитъ ихъ изъ этого покоя. Земля представляетъ собою средоточіе міра и точно также пребываетъ въ покоѣ. Пространство между звѣздами и землею наполнено горячей матеріей; взаимодѣйствія этой матеріи порождаютъ наверху кометы, а внизу вѣтры, землетрясенія, минералы и т. д.

Неорганическая природа—остовъ органическій. Изъ сочетаній элементовъ образуются кости и мясо животныхъ. Въ природѣ всюду царитъ принципъ цѣлесообразности; надъ всей органической природой властвуетъ цѣль; каждый органъ тѣла предназначенъ для отправленія извѣстныхъ функцій. Душа—нечто иное, какъ воплощеніе потенціально-живого, т. е. органическаго тѣла: она—формальная причина живого тѣла, потому что она—сама жизнь и призываетъ къ жизни тѣла.

Аристотель различаетъ пять способностей и категорій души: питаніе, размноженіе, ощущеніе, движеніе въ пространствѣ и мышленіе.

Мышленіе отличается отъ воспріятія, которое покоится на чувствахъ.

Въ противоположность Платону Аристотель отводитъ этикѣ второстепенную роль. На вопросъ: „въ чемъ состоитъ добро?“ онъ отвѣчаетъ: „въ благополучіи“.

Благополучіе заключается для каждой твари въ образѣ жизни, соотвѣтствующемъ ея сущности.

Въ безпрепятственной и во всѣхъ отношеніяхъ совершенной дѣятельности кроется залогъ высшаго блага. Для человѣка же высшее благо—въ достиженіи призванія, присущаго ему, какъ разумному существу. Подобно тому, какъ назначеніе глаза—видѣть, руки—осязать, такъ назначеніе человѣка—проявлять свой разумъ, возвышающій его надъ остальными тварями.

Аристотель проводитъ рѣзкую грань между благополучіемъ и удовольствіемъ. Въ каждомъ человѣкѣ заложены стремленія къ добродѣтели, но для достиженія ея необходимо осуществить это стремленіе въ дѣйствительности.

Воистину нравственное поведеніе—въ соблюденіи золотой середины: такъ, напримѣръ, храбрость заключается въ золотой серединѣ между трусостью и отчаянной отвагой. Справедливость—наивысшая добродѣтель, такъ какъ она заставляетъ человѣка отрѣшиться отъ самого себя и соображаться съ нуждами своего ближняго. Діаноэтическія добродѣтели (какъ, напримѣръ, разсудительность, знаніе и т. п.), по мнѣнію Аристотеля,—выше этическихъ, такъ какъ содержаніе ихъ—истина. Но самая высшая добродѣтель и залогъ наивысшаго благополучія кроется въ чисто-духовной дѣятельности; отсюда объясняется, почему дѣятельность Бога—чистое мышленіе. Мѣриломъ человѣческихъ добродѣтелей служитъ государство.

Остовъ государства—семья, покоющаяся на отношеніяхъ мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ, господина къ рабу.

Всѣ государственныя учрежденія хороши постолько, посколько они служатъ общественному благу, и непригодны постолько, посколько они преслѣдуютъ интересы правящихъ классовъ. Образцовыя формы правленія—монархія и аристократія; непригодныя формы правленія—тиранія, олигархія и демократія. Воспитаніе—дѣло государственной

важности: доступъ къ нему долженъ быть равно открытъ для всѣхъ гражданъ.

Да позволено будетъ намъ дать въ заключеніе самую краткую оцѣнку философіи Аристотеля. По заслугамъ своимъ въ смыслѣ систематизаціи отдѣльныхъ наукъ Аристотель занимаетъ въ исторіи философіи совершенно исключительное мѣсто: нѣтъ области знанія, которую бы онъ не углубилъ до совершенства; всѣ научныя дисциплины достигли въ его ученіи полной зрѣлости и законченности.

Богатство мыслей сочетается у него съ необычайно тонко развитымъ чувствомъ мѣры въ разработкѣ матеріала, добытаго изъ всѣхъ отраслей знанія. Философія Аристотеля стяжала ему въ древности вполнѣ заслуженную славу, хотя число его послѣдователей и учениковъ среди сознательной молодежи было не особенно велико. Отличительная черта творчества Аристотеля—стремленіе разработать на спекулятивной почвѣ матеріалъ, добытый путемъ опыта. Наука, эмпирическое знаніе и философія связаны въ его системѣ гармоническимъ единствомъ. Его по праву можно назвать величайшимъ философомъ древности: по глубинѣ проникновенія во всѣ отрасли знанія онъ не имѣетъ себѣ равнаго.

III.

Періодъ послѣ Аристотеля.

Стоики.

Стоическая школа основана Зенономъ около 300 года до Р. Х. Ученикъ циника Кратета, Зенонъ открылъ въ Стоѣ (своды колоннъ въ Аѳинахъ) свою школу, въ которой состоялъ преподавателемъ пятнадцать лѣтъ сряду. Онъ покончилъ самоубійствомъ посредствомъ добровольной голодовки. Изъ позднѣйшихъ стоиковъ заслуживаютъ вниманія: Панеція,—другъ Сципіона Младшаго, Посидоній и римляне: Сенека,—воспитатель Нерона, Эпиктетъ, жившій въ Римѣ во времена Нерона, сперва въ качествѣ раба, а затѣмъ, по освобожденіи отъ рабства, въ качествѣ прославленнаго учителя философіи, императоръ Маркъ-Аврелій Антоній.

Заслугой стоиковъ, стяжавшей имъ славу во всемірной исторіи, было раскрѣпощеніе морали, которую они возвели на высоту совершенно самостоятельной научной дисциплины: они не только углубили ученія своихъ предшественниковъ, но и заложили, въ отличіе отъ нихъ, основы совершенно независимой и возвышенной морали: мышленіе и поведеніе, мудрость и добродѣтель достигаютъ у нихъ внутренняго сліянія; дѣятельность разума, а съ нею и всѣ добродѣтели покоются на познаніи и не только выливаются въ теорію, но требуютъ также дѣятельнаго отношенія къ нимъ. Философія равносильна въ нхъ глазахъ добродѣтели: она должна властвовать надъ жизнью и руководить нашимъ поведеніемъ; наши собственныя горести и удары судьбы не должны повергать насъ въ отчаяніе: мы должны оказывать дѣятельную и быструю помощь, а не ограничиваться лишь соболѣзнованіемъ чужому горю, и притомъ помогать со всѣмъ напряженіемъ нашихъ силъ—вплоть до сліянія со страждущими.

Человѣкъ долженъ встрѣчать удары судьбы съ непоколебимой стойкостью: эта стойкость ведетъ не ко владычеству надъ міромъ, а къ возможной независимости и свободѣ. Хорошимъ и дурнымъ бываетъ не то или иное дѣйствіе, а все настроеніе воли человѣка. Нравственное представленіе о добрѣ не разлагается,—по мнѣнію стоиковъ, — ни на какіе дальнѣйшіе элементы сознанія: каждый человѣкъ долженъ самъ рѣшить вопросъ о томъ, что почитается добромъ и зломъ. Различіе между добромъ и зломъ, всякая попытка уничтожить эту пропасть, всякіе компромиссы между добромъ и зломъ вызываютъ энергическій отпоръ со стороны стоиковъ.

Съ особенной силой подчеркиваетъ мысль о братскомъ сліяніи всѣхъ людей и націй Маркъ-Аврелій, впервые провозгласившій принципъ гуманности, чуждый его предшественникамъ. „Міръ — общая родина всѣхъ людей“, — гласитъ самая древняя форма космополитизма: люди должны слиться, какъ братья, любить и поддерживать другъ друга, какъ дѣти единаго отца.

Философія стоиковъ оказала благотворное вліяніе на укладъ жизни и въ значительной мѣрѣ способствовала смягченію формъ соціальнаго строя: воззрѣнія стоиковъ проникли въ самые низшіе слои народа и способствовали улучшенію участи рабовъ: заботы о бѣдныхъ, открытіе цѣлаго множества больницъ—таковы ближайшіе плоды этого ученія. Ученіе стоиковъ породило необходимость упорядочить взаимоотношенія между отдѣльными государствами и заложить основу международнаго и естественнаго права, призвавшаго къ жизни цѣлый рядъ новыхъ законовъ.

Эпикурейцы.

Эпикурейская школа не знаетъ ржавчины времени: цѣлыя столѣтія и пестрая смѣна поколѣній

безсильна поколебать ее. Наряду съ основателемъ этой школы — Эпикуромъ (342—270 г. до Р. Х.), заслуживаетъ упоминанія римлянинъ Лукрецій (90—50 г. до Р. Х.).

Эпикурейцы пытались освѣтить цѣнности жизни лишь съ практической стороны: вещи представляютъ цѣнность лишь постольку, поскольку онѣ вызываютъ въ насъ чувство удовольствія и благоденствія. Задача философіи—уяснить смыслъ жизни съ практической стороны и отвѣтить на вопросъ: какъ возможно достиженіе наибольшей суммы радостей жизни? Нельзя предаваться наслажденіямъ слѣпо, не взвѣсивъ ихъ послѣдствій. Отвергнувъ чисточувственныя и, слѣдовательно, лишь мимолетныя наслажденія, нужно искать духовныхъ радостей и поступаться суммой положительныхъ удовольствій ради свободы отъ страданій и страстей. Міропониманіе эпикурейцевъ стремится не столько къ достиженію положительнаго блага, сколько къ устраненію всего того, что сковываетъ наше бытіе. Постулатъ безсмертія представляется эпикурейцамъ столь же безразсуднымъ, какъ и страхъ смерти. Для мудреца совершенно безразлично--существуетъ-ли или не существуетъ сонмъ боговъ: для него достаточно знать, что боги нисколько не сокрушаются о нашей судьбѣ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ безчисленное множество бѣдствій и несправедливыхъ ударовъ судьбы.

Въ общественной философіи эпикурейцы стремились освободить личность отъ гнета общества. Государственная жизнь оставляетъ философа совершенно равнодушнымъ: онъ довольствуется лишь тѣмъ, что она даетъ ему защиту; равнымъ образомъ эпикурейцы отвергаютъ бракъ и проповѣдуютъ свободныя отношенія между людьми (дружба и общеніе, какъ источникъ радости). Мудрецъ живетъ, „словно Богъ между людьми“. Эпикуръ понималъ удовольствіе въ смыслѣ утонченнаго, облагороженнаго наслажденія, хотя его философіи чуждо представленіе о болѣе возвышенномъ назначеніи человѣчества.

Скептики.

Основателемъ этого направленія считаютъ Пиррона изъ Элиды (360—270 г. до Р. Х.) и ученика его—Тимона. Сравнительный анализъ философскихъ воззрѣній привелъ Пиррона къ убѣжденію, что взгляды эти—не что иное, какъ софистическія хитросплетенія, лишенныя всякаго объективнаго значенія. Подобно тому, какъ нѣтъ ничего прекраснаго и безобразнаго, хорошаго и дурного „въ себѣ самомъ“,—и истина представляется чѣмъ-то несуществующимъ на самомъ дѣлѣ: лишь мое субъективное мнѣніе, привычки и нравы сообщаютъ вещамъ тѣ или иныя свойства; взятыя сами по себѣ, вещи не обладаютъ никакими свойствами: мы не вправѣ поэтому утверждать что-либо съ опредѣленностью; мы можемъ лишь сказать: „мнѣ кажется такъ“. Нѣтъ знанія, равно обязательнаго и цѣннаго для всѣхъ людей, и мудрецъ, воздерживаясь отъ всякихъ сужденій, поступаетъ вполнѣ правильно: онъ покупаетъ такой цѣной чувство внутренняго удовлетворенія; никто не привлекаетъ его, такъ какъ всѣ цѣнности носятъ лишь чисто-условный характеръ.

Второй періодъ скептицизма восходитъ къ основанію новой (средней) академіи, связанной съ именемъ Аркезилая изъ Нитаны, въ Эоліи (315—241). Изъ позднѣйшихъ скептиковъ заслуживаютъ вниманія: Энесидемъ изъ Кносса, жившій въ Александріи въ первомъ столѣтіи до Р. Х., и врачъ Секстъ Эмпирикъ, жившій около 200 г. до Р. Х. Оба названныхъ мыслителя привели въ стройную систему всѣ доводы, которые приводились противъ достовѣрности знанія. Съ особой энергіей и проницательностью полемизируетъ противъ всѣхъ катего-

рій знанія и противъ духовнаго и чувственнаго познаванія Секстъ Эмпирикъ. Онъ, правда, не возражаетъ противъ необходимости руководствоваться въ практической жизни общими правилами, какъ результатомъ наблюденія надъ чередующимися явленіями, благодаря чему мы восходимъ отъ явленій нашего порядка къ явленіямъ высшаго порядка; онъ отвергаетъ лишь достовѣрность такихъ правилъ и вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій, поскольку они лишены практическаго примѣненія.

Въ общемъ, однако, нельзя сказать, чтобы скептики оказали философіи большую услугу; скептицизмъ представляетъ, главнымъ образомъ, чисто-историческій интересъ: онъ нанесъ ударъ догматизму и тѣмъ самымъ пріуготовилъ почву для новой положительной системы.

Мистики.

Еще большій интересъ представляютъ попытки пересадить религіозную философію на почву исторической религіи; въ этомъ отношеніи наиболѣе крупный слѣдъ оставилъ по себѣ еврей Филонъ Александрійскій (около 30 г. до Р. Х., до 50 г. по Р. Х.). Многочисленныя сочиненія его представляютъ сочетаніе греческой, главнымъ образомъ, платоновской философіи съ юдаизмомъ, переплетающимся съ аллегорическимъ освѣщеніемъ Ветхаго Завѣта. Углубивъ тенденціи юдаизма, Филонъ пришелъ къ выводу, что Богъ—непознаваемъ. Посредствующимъ звеномъ между Богомъ и міромъ служитъ л о г о с ъ—слово Божіе. Логосъ—самое древнее дѣтище Бога, слово же—позднѣйшаго происхожденія. Высшее благо—созерцать Бога въ экстазѣ. Богъ,—хотя и всеобщее, но за то простое, первичное начало: Онъ—вездѣ и нигдѣ; въ Немъ—міръ. Онъ создалъ міръ не изъ „ничего“, а изъ непокорной и нечистой матеріи.

Въ Александріи, бывшей въ ту пору средоточіемъ

наукъ, возникъ неоплатонизмъ съ разнообразными наслоеніями болѣе древнихъ философскихъ ученій. Основателемъ этого направленія былъ Аммоній Саккасъ, умершій въ 245 г. по Р. Х. Воспитанный родителями въ строго-христіанскомъ духѣ, Аммоній сталъ впослѣдствіи приверженцемъ языческой философіи. Усиливавшемуся вліянію христіанства онъ противопоставилъ крупныя завоеванія языческой философіи, связанныя въ цѣльную систему.

Его выдающійся ученикъ — Плотинъ углубился въ изысканія Божеской и человѣческой природы. Въ его лицѣ философскій мистицизмъ древности достигъ своего пышнаго расцвѣта. Ученіе Плотина сводится къ тезису, что бытіе міра, какъ цѣлаго, поскольку оно развертывается въ вѣчномъ процессѣ возникновенія, обязано своимъ происхожденіемъ первичному существу. Онъ опредѣляетъ этотъ процессъ, какъ истеченіе обильнаго первичнаго существа, какъ извѣстнаго рода эманацію.

Разумъ, міровая душа, силы природы и разнообразіе вещей обязаны своимъ происхожденіемъ этой эманаціи. Тѣлесный міръ — лишь слабое, обманчивое отображеніе дѣйствительности. Природа одушевлена во всѣхъ своихъ частяхъ: небо, звѣзды такъ же, какъ и органическія существа, обладаютъ душой; душа человѣка предустановлена ея предсуществованіемъ; она обречена въ бренную оболочку тѣла: связь души съ тѣломъ порождаетъ ощущенія и сознаніе. Безсмертіе души Плотинъ объясняетъ въ духѣ Платона, раздѣляя отчасти его взглядъ на странствованіе души.

П р о к л ъ (412—485 по Р. Х.) — былъ послѣднимъ столпомъ разлагавшагося язычества, которое онъ исповѣдывалъ тайно (опасаясь гоненій и глумленія своихъ современниковъ). Это былъ прекрасно и всесторонне образованный человѣкъ безупречнаго поведенія. Онъ относился съ благоговѣніемъ къ преданіямъ древности и построилъ свою философ-

скую систему на фундаментѣ восточной мудрости. Вытѣсняя всѣ остальныя философскія направленія, неоплатонизмъ нашелъ себѣ широкое распространеніе всюду, куда только проникалъ греческій языкъ. Аѳинская школа неоплатонизма существовала до 529 года, въ каковомъ году послѣдовалъ эдиктъ императора Юстиніана, воспрещавшій преподаваніе философіи. Съ этой школы сходитъ со сцены исторія греческой философіи.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Философія средневѣковья.

Первые побѣги христіанской философіи.

Уже самая исходная точка греческой философіи указывала на тенденцію ея—выработать такое міровоззрѣніе, которое разсматривало сверхъ-міровую, Божественную первичную силу, какъ принципъ бытія, облеченный въ фантастическую и религіозно-мистическую форму. Эта тенденція философіи находитъ себѣ объясненіе въ условіяхъ эпохи, когда всѣ устои, какъ политической, такъ и моральной жизни, рушились, уступивъ мѣсто процессу разложенія. Самые свѣтлые умы этой эпохи отшатнулись отъ проблемы внѣшняго міра и углубились всецѣло въ свой внутренній міръ. Отсюда беретъ свое начало то теченіе, которое принесло плоды скорѣе на религіозной, чѣмъ на философской почвѣ.

Первые побѣги этого направленія можно найти уже у гностиковъ; уже въ Евангеліи гностицизмъ противополагается слѣпой вѣрѣ, какъ мышленіе о сверхъ-чувственномъ, покоющемся на понятіяхъ. „Гностиками“ назывались тѣ мыслители, которые, не довольствуясь слѣпой вѣрой, стремились придать ей научное обоснованіе. Однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ гностиковъ былъ Базилидъ, жившій въ Александріи около 130 года по Р. Х. Его послѣдо-

вателемъ былъ Валентинъ, система котораго, облеченная въ фантастическую форму, утеряна. Болѣе реальную форму церковной философіи мы находимъ у Климента Александрійскаго (умеръ въ 211 г. по Р. Х.) и у Оригена (умеръ въ 254 г. по Р. Х.). Въ главномъ сочиненіи своемъ (объ основныхъ ученіяхъ) онъ разсматриваетъ Бога, какъ нематеріальную монаду, вѣнчающую все мірозданіе.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей этого ученія былъ Августинъ, умершій въ 430 г. по Р. Х. Его ученіе покоится на убѣжденіи, что страданія человѣка противорѣчатъ его стремленіямъ къ счастью. Ни одинъ мыслитель не нарисовалъ такой яркой картины человѣческихъ страданій, какъ Августинъ. Ни у одного мыслителя мы не находимъ такой яркой антитезы между горестнымъ удѣломъ индивида и общества, между добродѣтелью и порокомъ, страхомъ и надеждой,—какъ у Августина. Преподанное философскими школами наставленіе—закалить въ себѣ воспріимчивость ко всякой боли и страданіямъ — представляется Августину безнравственнымъ. Единственное цѣлебное средство противъ мукъ и невзгодъ бытія даютъ, по его мнѣнію, религія и стремленіе къ Богу. Богъ—нервъ всей его философіи. Онъ — источникъ блаженства. „Когда я ищу Тебя, — моего Бога, я ищу блаженной жизни. Я не перестану искать Тебя, дабы не изсякла жизнь моей души.“ Всѣ помыслы человѣка должны быть устремлены къ Богу. Въ экстазѣ угасаетъ послѣдняя искра себялюбія: человѣкъ ничего не желаетъ отъ Бога—онъ желаетъ лишь Его Самого. Всѣ усилія индивида и общества должны быть направлены на исканіе Бога. Всѣ дѣла человѣческія представляютъ цѣнность лишь постолько, посколько послѣдней цѣлью ихъ служитъ Богъ; само собой разумѣется, что мораль на почвѣ такого міропониманія была въ полной зависимости отъ ученій церкви: даже добродѣтели зависятъ, по ученію Августина, отъ соблюденія религіозныхъ обрядовъ.

Схоластики.

Схоластика пыталась примирить вѣру и науку. Основателемъ этого направленія считаютъ кэнтерберійскаго архіепископа Ансельма (1033—1109), который приписывалъ идеямъ Платона объективную реальность, независящую отъ дѣйствительныхъ вещей; идеи,— училъ Ансельмъ,— предсуществуютъ вещамъ. Онъ считается основателемъ реализма, направленія, смѣнившаго въ схоластикѣ идеализмъ. Противоположное ему направленіе—номинализмъ—совпалъ въ періодъ господства схоластики съ эмпирическимъ направленіемъ. Въ противоположность реалистамъ номиналисты утверждали, что общія понятія—лишь голыя субъективныя представленія, лишенныя всякой реальности, и голыя имена.

На фонѣ борьбы номиналистовъ съ реалистами вырисовывается мощная фигура Абеляра (умеръ въ Бретани въ 1079 г.), отшатнувшагося отъ діалектики. Познакомившись въ Парижѣ, гдѣ онъ получилъ высшее образованіе, съ Элоизой, онъ тайно вступилъ съ ней въ бракъ. Впослѣдствіи онъ поступилъ въ монастырь, гдѣ и умеръ въ 1142 г., пережившъ цѣлый рядъ превратностей судьбы. Абеляръ стремился найти научное обоснованіе знанія, не колебля догматовъ вѣры и авторитета церкви; онъ пытался уничтожить грань между языческой и христіанской моралью и тѣмъ навлекъ на себя гоненія церкви.

Второй выдающійся схоластикъ—Альбертъ Великій (Albertus Magnus, 1193—1280) былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что изученіе твореній Аристотеля—главное условіе философскаго образова-

нія; въ этомъ убѣжденіи онъ посвятилъ себя, прежде всего, изученію Аристотеля; философіи онъ противопоставляетъ теологію, которую онъ опредѣляетъ, какъ науку объ исцѣленіи. Обѣ эти науки вытекаютъ изъ одного и того же источника—Божескаго откровенія. Откровенія бываютъ двоякаго рода: чрезъ посредство разума и черезъ посредство озаренія. Первое откровеніе открываетъ тайну бытія философу, второе—теологу. Что между обоими этими откровеніями не можетъ быть никакого противорѣчія,—это представляется Альберту столь же очевиднымъ, какъ и то, что философія подчинена теологіи.

Ту же мысль проводитъ и ученикъ его—Ѳома Аквинатъ, бывшій профессоромъ парижскаго и многихъ итальянскихъ университетовъ: и онъ точно такъ же считалъ Аристотеля родоначальникомъ философіи, составивъ весьма остроумный комментарій къ его сочиненіямъ; впрочемъ, онъ не удовольствовался, подобно Альберту, голымъ воспроизведеніемъ философіи Аристотеля и скорѣе смотрѣлъ на нее въ своей „Summa theologica“, какъ на философскую проблему.

Оба названныхъ мыслителя—далеко не единственные представители схоластическаго направленія; ихъ окружаетъ цѣлая плеяда учениковъ, разработавшихъ въ различномъ направленіи выдвинутые ихъ эпохой вопросы. Изъ учениковъ ихъ слѣдуетъ назвать Іоанна Дунса Скотта (умеръ въ 1347 г.), стяжавшаго себѣ извѣстность въ качествѣ противника Ѳомы Аквината. Наиболѣе выдающійся ученикъ его—Іоаннъ д'Оккамъ (умеръ въ 1347 г.) стяжалъ себѣ извѣстность тѣмъ, что возсталъ противъ всемірнаго господства и непререкаемаго авторитета папы въ вопросахъ вѣры. Основной тезисъ его философіи сводится къ слѣдующему положенію: „опытъ—единственное научное орудіе для опредѣленія реальности вещей“.

Въ противовѣсъ схоластикѣ въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ народилось мистическое направленіе, которое углубило взглядъ на жизнь, хотя и породило не мало недоразумѣній. Самымъ крупнымъ представителемъ этого направленія былъ мейстеръ Экгартъ (умеръ въ 1329 г.), ученіе коего, носившее отчасти пантеистическую окраску, подверглось гоненіямъ церкви. За нимъ слѣдуетъ Таулеръ (1290—1357). Опираясь на Экгарта и Таулера, Генрихъ Сузо (1330—1365) довелъ нѣмецкую мистику до кульминаціоннаго пункта.

ТРЕТІИ ОТДѢЛЪ.

Философія новаго времени.

Переходное время.

Вторая половина пятнадцатаго и начало шестнадцатаго столѣтія знаменуетъ въ Европѣ переходъ отъ старыхъ формъ жизни къ новому быту. Во всѣхъ областяхъ жизни произошелъ рѣзкій переломъ, породившій расколъ крайнихъ теченій. Открытіе новыхъ странъ необычайно расширило духовный кругозоръ человѣчества; съ другой стороны, эпоха Возрожденія, вызвавшая культурное движеніе во всѣхъ областяхъ духовной жизни, открыла человѣчеству новый міръ духовныхъ цѣнностей.

Первые шаги переходнаго времени характеризуются попыткой противопоставить схоластической философіи новые принципы.

Блестящимъ представителемъ этой эпохи былъ Джордано Бруно изъ Полы (1550—1600). Гонимый превратностями судьбы, онъ скитался по Женевѣ, Парижу и Лондону, пока въ 1592 г. не былъ заточенъ въ тюрьму въ Венеціи и въ 1600 г., какъ еретикъ, сожженъ на кострѣ въ Римѣ. Главное сочиненіе его „О причинѣ, принципѣ и единомъ“ („Della causa, principio et uno“) представляетъ попытку возродить въ поэтической формѣ древне-эллинскій пантеизмъ. Онъ различаетъ двѣ категоріи основныхъ причинъ: матерію и форму. Матерія—способность бытія, предвареніе всякаго возникновенія: она—первичный и вѣчный элементъ. Эта матерія претворяется въ дѣйствительность черезъ посредство формы; форма пріуготовлена въ матеріи и порождается ея сущностью, примѣромъ чему служитъ органическая природа. Всѣ формы пріуготовлены въ первичной формѣ, которая служитъ въ то же время причиной цѣлесообразности. Первичная форма—міровая душа, которая растворяется во вселенной; всѣ вещи—лишь субстанція, проявляющаяся въ многообразіи формъ. Всѣ единичныя вещи—лишь голыя формы проявленія единой субстанціи, субстанція пребываетъ отъ вѣка неизмѣнной. Отдѣльныя формы явленій Бруно представляетъ себѣ, какъ монады или сущности. Вслѣдствіе единства всѣхъ вещей каждая вещь таитъ въ себѣ это сѣмя единаго начала. Все живетъ, потому что все развивается извнутри и подвержено безпрестаннымъ измѣненіямъ.

Надъ міромъ царитъ Божество, необъятное единое начало, которому нѣтъ имени: Оно—основа всего сущаго. Міровая душа—лишь тѣнь, слѣдъ этого начала. Философія безсильна познать это единое начало.

Душа—не что иное, какъ монада: послѣ смерти она возвращается на свою родину; рожденіе—лишь протяженіе субстанціи, покинувшей свою родину.

Ни одна монада не умираетъ; въ природѣ ничего не исчезаетъ: все подвержено безпрестанному измѣненію.

Къ числу мыслителей, пытавшихся воскресить воззрѣнія древнихъ, слѣдуетъ отнести также Мишеля Монтэня (1533—1592). Хотя онъ не былъ ни ученымъ, ни философомъ по призванію, но его „Опыты“ и до нашихъ дней читаются съ живымъ интересомъ; они представляютъ разсужденіе всесторонне образованнаго, вооруженнаго философской и исторической эрудиціей свѣтскаго человѣка на самыя разнообразныя житейскія темы. Разумъ человѣка—думаетъ Монтэнь—слабосильная и жалкая вещь. Безошибочное знаніе—самообольщеніе горделиваго разума. Да и можно-ли, вообще, доказать, что наши чувственныя представленія соотвѣтствуютъ

вещамъ? Вѣдь, для того, чтобы установить такое соотвѣтствіе, мы должны были бы обладать такимъ знаніемъ вещей, которое не зависѣло бы отъ чувственныхъ представленій, что представляется однако, совершенно невозможнымъ. Человѣкъ похваляется своей свободой, но доказательства въ пользу дѣйствительнаго обладанія свободой весьма шатки.

Какъ велико было смятеніе духа во всѣхъ слояхъ общества и какъ велика была потребность въ новыхъ формахъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ теософія Якова Бема (родился въ 1575 г. въ Гэрлитцѣ и умеръ тамъ же въ 1624 г.). Сапожникъ по профессіи, онъ былъ вѣрующій лютеранинъ. Углубившись въ изученіе Библіи и мистическихъ сочиненій Парацельса, онъ издалъ въ 1612 году свое первое, навѣянное мистицизмомъ и мечтательностью сочиненіе подъ заглавіемъ: „Аврора или появленіе утренней зари“. Сочиненіе это навлекло на него цѣлый рядъ преслѣдованій, и по настоянію мѣстнаго пастора Рихтера ему воспретили дальнѣйшую литературную дѣятельность.

Никакое познаніе—учитъ Бемъ—немыслимо безъ расчлененія и противоположенія: только противоположеніе даетъ намъ ясное и отчетливое представленіе о вещи. Богъ, какъ таковой—чистый духъ, лишенный всякой сущности; Онъ—вѣчное ничто, вѣчная первооснова. „Да“ и „нѣтъ“ объемлютъ всѣ вещи, будь то Божескія или земныя. „Да“—и есть само „Божественное; „нѣтъ“—противоположность его. Въ Богѣ кроется вѣчное противорѣчіе: мракъ и свѣтъ, любовь и гнѣвъ.

Новое время.

Новая философія начинается, собственно, съ Бакона Веруламскаго — основателя новой эмпирической системы.

Францискъ Баконъ родился въ Лондонѣ въ 1561 году. Въ царствованіе Якова I онъ достигъ высшаго

поста—государственнаго канцлера и былъ возведенъ въ баронское достоинство. Признанный виновнымъ въ лихоимствѣ, онъ былъ лишенъ парламентомъ всѣхъ своихъ чиновъ и должностей и провелъ остатокъ своей жизни въ глубокомъ уединеніи. Умеръ онъ въ 1626 г.

Главныя сочиненія его—„О достоинствѣ и усовершенствованіи наукъ“ („De dignitate et augmentis scientiarum“) и „Новый органъ“ („Novum organon scientiarum“). Въ этихъ сочиненіяхъ Баконъ пытается заложить новыя основы науки; для этой цѣли онъ предлагаетъ совершенно новую генеалогію наукъ. По его мнѣнію, существуетъ четыре категоріи заблужденій и понятій о природѣ. Для радикальнаго исцѣленія наукъ нужно обосновать ихъ на почвѣ опыта и философіи природы, а для этого необходимо, чтобы наши чувства освободились отъ гипноза всякихъ идоловъ, отъ всѣхъ предубѣжденій, предразсудковъ и ложныхъ представленій.

Человѣкъ—учитъ Баконъ—звено великой цѣпи „всего“, которая представляется ему природой въ смыслѣ источника реальности всѣхъ явленій и процессовъ. Методъ, покоющійся на опытѣ, служитъ залогомъ достовѣрности знанія, ибо „даже ничтожные сами по себѣ дары становятся цѣнными, если ихъ привести въ порядокъ“. По мнѣнію Бакона, правильный методъ выше всѣхъ заблужденій человѣка.

Міровоззрѣніе Бакона—плодъ упорной работы естествоиспытателя, хотя врядъ-ли ему удалось пробудить въ насъ интересъ къ упроченію самостоятельности опытныхъ наукъ; не подлежитъ сомнѣнію, однако, что удобопонятныя, интересныя сочиненія, изобилующія образами и сравненіями, дали новое русло мышленію его эпохи.

Сочиненія Бакона совершенно не затрагиваютъ вопросовъ религіи; религія, вообще, не терпитъ вторженія науки въ ея область.

Главная заслуга Бакона—необычайная мощь и ясность формулировки научныхъ положеній.

Подъ вліяніемъ Бакона Ѳома Гоббсъ выступилъ на арену исторіи философіи провозвѣстникомъ матеріалистической философіи, навлекшей на него благодаря атеистическимъ тенденціямъ его ученія гоненія духовенства.

Гоббсъ родился въ 1588 году въ Мальмесберри; умеръ онъ въ 1679 г. Вслѣдъ за Бакономъ онъ выступаетъ противникомъ схоластики.

Воззрѣнія его на задачи истинной науки согласуются, въ общемъ, со взглядами Бакона: онъ требуетъ полнаго отдѣленія философіи отъ религіи. Гоббсъ различаетъ естественныя и искусственныя тѣла и дѣлитъ сообразно этому философію на философію природы и философію государства. Познаніе сводится, по его мнѣнію, къ правильному умозаключенію.

Въ своей нравственной и политической философіи Гоббсъ проводитъ знаменитый тезисъ, что естественное состояніе людей—война всѣхъ противъ всѣхъ. Каждое дѣйствіе человѣка въ большей или меньшей степени направлено на самоутвержденіе, и въ борьбѣ за существованіе всякій человѣкъ стремится побѣдить своего ближняго. Каждый человѣкъ въ правѣ (посколько можетъ, вообще, быть рѣчь о правѣ) жить для удовлетворенія своего эгоизма. Чтобы положить конецъ все возрастающей взаимной борьбѣ, люди заключили между собой договоръ; такимъ путемъ возникло современное государство, которое представляется Гоббсу продуктомъ усилій человѣка. Законъ имѣетъ своей цѣлью—устрашеніе. Хорошимъ почитается все то, что признается государствомъ или правителемъ. Правитель государства можетъ располагать по своему усмотрѣнію имуществомъ и силами каждаго подданнаго.

„Библіотека Знанія"

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМОРАЗВИТІЯ И САМОСТОЯТЕЛЬНАГО ЧТЕНІЯ.

Журналъ „Библіотека Знанія" составитъ въ 1908 г.

26 книгъ

(200 листовъ—3200 страницъ).

Обитаемость звѣздныхъ міровъ.—Директ. обсерват. Л. Бреннера, 96 стр.—Законы небесной системы.—Д-ра мед. В. Майера б. дир. „Уранія" въ Берлинѣ, 96 стр.—Наша солнечная система.—Проф. К. Штреве, 80 стр. Общедоступная метеорологія.—Д-ра В. Пабста, 96 стр. Происхожденіе и развитіе человѣчества.—Д-ра Л. Вильзера, 80 стр. Начала человѣческой культуры.—Д-ра Л. Штейна, проф. Бернскаго унив., 128 стр. Жизнь въ странѣ Библіи.—Проф. Бреславл. унив., М. Лера, 128 стр. Введеніе въ философію. — Проф. Лейп. ц. унив. П. Рихтера, 160 стр. Философія древнихъ.—Д-ра І. Рейнера, 96 стр. Міровоззрѣніе великихъ дѣятелей новой философіи.—Проф. филос. унив. въ Галле, Л. Буссе. 160 стр. Исторія славянскихъ литературъ.—Д-ра І. Карасекъ, 256 страницъ. Исторія музыки.—Ф. Спиро, 160 стр. Гигіена ребенка въ до-школьномъ возрастѣ.—Проф. д-ра І. Трумпа, 160 стр.—Гигіена школьнаго возраста. — Проф. Мюнхенск. унив. д-ра І. Трумпа, 96 стр.—Естественные методы лѣченія.—Р. Геринга, 96 стр.—Гигіена нервной системы въ здоровомъ и больномъ тѣлѣ. — Проф. психіатріи, д-ра А. Фореля, 256 стр.—Болѣзни сердца и кровеносныхъ сосудовъ.—Проф. Цюрихск. унив., д-ра Г. Эйхгорста, 128 стр.—Болѣзни легкихъ.—Проф. д-ра Л. Штретера, дирек. унив. клиники въ Вѣнѣ, 128 стр. — Болѣзни желудка и кишекъ. — Проф. Берл. унив., д-ра Ц. А. Эвальда, 64 стр.—Болѣзни печени и почекъ. — Проф. Берл. унив., д-ра Ц. А Эвальда, 64 стр. — Здоровое тѣло. —д-ра Р. Коха, 64 стр. — Уродства тѣла—Возникновеніе ихъ и излѣченіе. — Проф. хирург. Ф. Ланге и проф. по дѣтск. болѣзн. д-ра І. Трумпа, 96 стр.—Уходъ за красотой.—Д-ра Орловскаго, 64 стр.—Уходъ за больными.—Д-ра Б. Лейка, 192 стр. Электричество, какъ источникъ свѣта и силы.—Проф. Боннск. унив., д-ра П. Эверсгейма, 96 стр. Фотографъ-любитель.—К. Швира, 96 стр.

Стоимость этихъ книгъ въ отдѣльной продажѣ, послѣ выхода ихъ въ „Библіотекѣ Знанія", составитъ 12 рублей.

Всѣ подписчики газеты „Биржевыя Вѣдомости" — второе изданіе—получатъ 26 книгъ „Библіотеки Знанія"

БЕЗПЛАТНО.

Главная Контора изданій С. М. Проппера

С.-Петербургъ, Галерная ул, соботв. домъ, № 40.

О ПОДПИСКѢ НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„Биржевыя Вѣдомости“

второе изданіе.

Благодаря своей неразрывной связи со всѣмъ редакціоннымъ и техническимъ оборудованіемъ 1-го изданія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“, издаваемыхъ С. М. Проппероѣ

безпрерывно 28-й годъ,

„Биржевыя Вѣдомости—Второе изданіе“ располагаютъ огромнымъ газетнымъ матеріаломъ, большимъ количествомъ сотрудниковъ, чрезвычайно широкой сѣтью корреспондентовъ, какъ внутри, такъ и внѣ предѣловъ Россіи,

редакціоннымъ и типографскимъ аппаратомъ, недоступнымъ ни одной дешевой газетѣ.

Во второмъ изданіи „Биржевыхъ Вѣдомостей“ существуетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ отдѣловъ, созданныхъ ростомъ тѣхъ общественныхъ потребностей, которыя особенно громко говорятъ о себѣ въ переживаемый періодъ русскаго обновленія. Таковы отдѣлы: „Просвѣтительное дѣло“, „Самоуправленіе“, „Профессіональные союзы“, „Духовенство и паства“, „Женская жизнь“, „Юридическая помощь“ и мн. др.

Особое редакціонное бюро изъ цѣлаго ряда спеціальныхъ парламентскихъ сотрудниковъ освѣдомляетъ читателя во всей полнотѣ и картинности не только о засѣданіяхъ, но и о всей жизни

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

внутри и внѣ стѣнъ Таврическаго Дворца.

Всѣ подписчики „Биржевыхъ Вѣдомостей—Второго изданія“ получатъ въ 1908 г. совершенно безплатно и безъ всякаго повышенія подписной цѣны:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ литературно-художественный, иллюстрированный журналъ

„Огонекъ“

и 26 книгъ

„Библіотеки Знанія“.

Каждыя 2 недѣли одна книга.

Подписная цѣна на

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

второе изданіе

съ пересылкой въ Россіи и приложеніемъ журнала „Огонекъ“ и „Библіотеки Знанія“

На годъ . . **5** р., на полгода . . **2** р. **50** к.,
на три мѣсяца . . . **1** р. **30** к.

Главная Контора изданій С. М. Проппера

С.-Петербургъ, Галерная ул., собств. домъ, №40.